

Вся последующая деятельность Цзян Хэнмянь была посвящена подготовке нового альбома. Помимо музыкальной студии, больше всего времени он проводил дома и в кабинете Цинь Юаньли.

Он работал над этим альбомом без устали, вынашивая его очень долго.

Главная песня альбома была написана им самим — и слова, и музыку он посвятил своей А Ли. А клип на неё состоял из повседневных моментов их жизни, которые Цзян Хэнмянь снимал на камеру.

Полностью завершив работу над альбомом, он решил преподнести его в подарок А Ли прямо в день рождения Цинь Юаньли. К тому же как раз на эти дни приходился его собственный период течки, так что А Ли могла наконец полностью пометить его!

Сразу после завершения работы Цзян Хэнмянь отправился в штаб-квартиру Корпорации Цинь и, прибыв в компанию, напрямик направился в кабинет Цинь Юаньли.

Однако в кабинете её не оказалось. На ходу вытащив телефон и набирая номер, Цзян Хэнмянь вышел из кабинета на поиски.

Собираясь спуститься по лестнице, он столкнулся с Цинь Юанью.

— Шурин? — с удивлением произнес Цинь Юанью, заметив Цзян Хэнмяня.

— Я пришел к А Ли, ты не видел ее? — пояснил Цзян Хэнмянь.

— Моя сестра сегодня утром провела совещание, сказала, что поедет домой, и попросила меня подменить ее, — ответил Цинь Юанью.

Услышав это, Цзян Хэнмянь нахмурился — на звонок Цинь Юаньли тоже не ответила.

Он тут же велел водителю отвезти его домой.

Едва они вернулись в особняк, как в лицо пахнуло густым ароматом грушевых феромонов.

Это было очевиднее некуда: у А Ли начался период повышенной чувствительности.

Цзян Хэнмянь бросился прямо в спальню и увидел Цинь Юаньли, которая полусидела у края кровати. Воротник ее рубашки был слегка растрепан, бледную кожу покрывал некий нездоровый румянец, а золотая оправа очков валялась на полу, небрежно брошенная туда.

— А Ли... — Цзян Юаньсянь без колебаний шагнул вперед и опустился на колени перед Цинь Юаньли.

Увидев своего малыша, Цинь Юаньли тут же прижала его к груди и впилась поцелуем в его губы.

Цзян Хэнмянь обнял Цинь Юаньли, охотно отвечая на поцелуи. Долгое время Цинь Юаньли не отпускала губы Цзян Хэнмяня, а её нежный голос, казалось, был способен очаровать любого:

— Я поставлю тебе метку, малыш, хорошо?

Цинь Юаньли перенесла его на кровать и нависла сверху, не отрывая взгляда от глаз Цзян Хэнмяня. Её длинные изящные пальцы ласкали его затылок.

От этих прикосновений Цзян Хэнмянь вздрогнул:

— Хорошо. Поставь истинную метку, я хочу, чтобы А Ли навсегда принадлежал только мне.

— Хорошо, моё послушное сокровище обязательно получит желаемое.

Цинь Юаньли обняла его и склонила голову.

— Ах... м-м-м...

Цзян Хэнмянь инстинктивно попытался сопротивляться, но всё же крепко обнимал Цинь Юаньли и не отпускал.

Цинь Юаньли не разжала губ, да и руки её не бездельничали — одежда с Цзян Хэнмяня слетела в мгновение ока.

Одежду их обоих Цинь Юаньли небрежно отбросила в сторону.

Но всё это было лишь началом.

В спальне двое сплелись воедино.

Кровать, диван, журнальный столик, ванная комната, зеркало, гостиная, кухня, кабинет...

Целых десять дней Цзян Хэнмянь и Цинь Юаньли испробовали все уголки в доме, где только можно было предаться страсти.

Как раз на пятый день периода повышенной агрессивности у Цинь Юаньли начался период течи у Цзян Хэнмяня.

В самый момент соединения Цзян Хэнмяню показалось, что его сердце переполняет необъяснимое блаженство.

В это время Цзян Хэнмянь прилипал к ней каждую секунду, да и Цинь Юаньли была не лучше.

Когда Цзян Хэнмянь проснулся, он обнаружил, что всё ещё лежит в объятиях Цинь Юаньли, устроившись на её плече, а его нога покоилась на её теле.

Цзян Хэнмянь протянул руку и стал тыкать Цинь Юаньли в лицо и тело. Глаза его всё ещё покраснели, голос охрип, а протянутая рука сплошь покрывалась следами от поцелуев.

Цинь Юаньли страсть как любила везде оставлять поцелуи и метить его тело, в чём он давно уже убедился.

Цинь Юаньли поймала озорную руку Цзян Хэнмяня и поцеловала её.

— Малыш.

Вдыхая приятный аромат гардении, Цинь Юаньли пребывала в превосходном настроении.

Только вот теперь запах гардении уже не был чистым — в него густо примешивался сладкий аромат груши. А Ли, я проголодался.

Цзян Хэнмянь положил подбородок на плечо Цинь Юаньли и, не сводя с неё глаз, произвёл каждое слово по отдельности:

Вставай сначала, я пойду приготовлю еду.

Не хочу, не хочу расставаться с А Ли.

Цзян Хэнмянь обнял Цинь Юаньли и наотрез отказывался отпускать.

Цинь Юаньли, разумеется, тоже не хотела расставаться с Цзян Хэнмянем.

В конце концов они решили вместе умыться, а затем вместе пойти готовить.

Пожинав, они отправились в кинозал, и Цзян Хэнмянь преподнёс Цинь Юаньли

приготовленный им подарок.

Тебе нравится, А Ли?

В глазах Цзян Хэнмяня читалось сплошное ожидание.

Нравится. Цинь Юаньли смотрела на воспроизводимый на экране клип, и в её глазах плескалась улыбка.

Цзян Хэнмянь обвил руками шею Цинь Юаньли и устроился у неё на коленях.

А Ли, спасибо тебе за то, что ты появилась и подарила мне новое будущее — будущее, которое мне по душе.

В глазах Цзян Хэнмяня светилась искренность, и он торжественно произнёс:

А Ли, я люблю тебя и хочу быть с тобой вечно, ты согласна?

Согласна.

Цзян Хэнмянь первым прильнул к её губам, этим поцелуем изливая всю свою бурную и бесконечную любовь.

Цинь Юаньли страстно отвечала на поцелуй: любовь её малыша всегда наполняла её сердце чувством полного удовлетворения и счастья.

Пока у Цинь Юаньли и Цзян Хэнмяня царила пылкая и нежная романтика, Цинь Юанью и Линь Хуэйчэн подвергались суровому допросу со стороны старших из обеих семей.

Метка поставлена? — относительно спокойно спросила мать Цинь.

Оба кивнули.

Лица членов семьи Линь помрачнели ещё на один оттенок.

Постоянная метка? — продолжила вопрошать мама Цинь.

Переглянувшись, они снова кивнули.

Лица родственников Линь почернели ещё сильнее.

Линь Хуэйчэн испугался и спрятался за спиной Цинь Юанью. Цинь Юаньли крепко сцепил пальцы с его рукой, переплетя их.

Я люблю Сяо Чэна, и постоянная метка действительно стала неожиданностью, но мои чувства к Сяо Чэну искренни.

Цинь Юанью никогда в жизни не нервничал так сильно во время деловых переговоров, но раз уж он с таким трудом добился расположения Сяо Чэна, он ни за копейки не упустил бы этот шанс. Он продолжил:

Я надеюсь, что уважаемые старшие дадут согласие на наш брак с Сяо Чэном. Я непременно буду хорошо заботиться о нём в будущем, и я готов переписать все принадлежащие мне активы и акции на имя Сяо Чэна!

Когда он это произнес, мать Цинь осталась хранить молчание, ведь в руках кровных наследников семьи Цинь и так осталось немного акций.

Этот ребёнок — то ли у неё научился, то ли у А Ли.

Услышав это, члены семьи Линь заметно смягчились в лице.

Заметив, что семья Линь не спешит кивать, Цинь Юанью растерялся и не знал, как поступить, поэтому перевёл взгляд на своего омегу-маму.

Мама Цинь всё-таки была его родной матерью, она легонько потрясла мать Цинь за руку, пытаясь договориться насчёт свадьбы молодёжи.

На самом деле Линь Хуэйчэн уже получил от Цинь Юанью постоянную метку, а в здешних местах снять постоянную метку невозможно. Как бы сильно ни противилась семья Линь и какую бы позицию ни занимала семья Цинь, ради здоровья Линь Хуэйчэна им всё равно пришлось бы выдать его замуж в семью Цинь.

То, что метка оказалась постоянной, доказывало, что совместимость феромонов Цинь Юанью и Линь Хуэйчэна была весьма высокой.

Однако Цинь Юанью почему-то страшно суетился и паниковал.

В конце концов сошлись на мнении старших: сколько выкупа за невесту давали за вступающего в семью зятя, столько же дадут и за входящую в семью невестку. Если Цинь Юанью покажется, что выкупа недостаточно, он добавит к нему свои личные сбережения.

Убедившись, что старшие из семьи Линь дали согласие, Цинь Юанью тут же вознамерился идти регистрировать брак.

Мать Цинь, глядя на его совершенно потерявший всякую гордость вид, вручила ему его домовую книгу.

Семья Линь, разумеется, тоже не стала чинить никаких препятствий.

Так они и поженились.

<http://bllate.org/book/22221/2318585>